

8. Lakoff, G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol.1 (1). – Pp. 39–74.
9. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar. – Volume I: Theoretical prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987.

М.Е. Федотова

СУФФИКС -IN: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

„ ... die historische diachrone Perspektive hilft uns < ... > die Besonderheiten der Sprache von heute zu erklären und gegenwärtige Entwicklungstendenzen zu durchschauen.“

Astrid Stedje

Немецкий язык, как и большинство индоевропейских языков, относится к группе языков, в которых лексико-грамматическая категория рода занимает особое место. Одним из наиболее репрезентативных участков номинативной системы, построенных по принципу дихотомии естественного пола, является группа наименований лиц. Спецификация признака пола в группе мужских и женских номинаций происходит при помощи морфолого-словообразовательных и лексико-семантических показателей.

На протяжении многовековой истории немецкого языка деривационная категория *nomina feminine* формировалась, прежде всего, за счет средств суффиксального словообразования, т.е. путем мовирования наименования в форме мужского рода. Арсенал словообразовательных суффиксов, участвующих в создании женских наименований на базе имен мужского рода, весьма ограничен и включает в себя автохтонный суффикс *-in* (*Herzogin*), заимствованные суффиксы *-e* (*Garderobiere*), *-ess* (*Stewardess*), *-euse* (*Friseur*), *-ice* (*Aktrice*), *-ine* (*Heroine*), *-esse/-isse* (*Diakonisse*), а также «составной» суффикс *-essin /-issin*, возникший в результате слияния заимствованного *-isse* и немецкого *-in* (*Äbtissin*).

В обширном и относительно стабильном фонде словообразовательных средств немецкого языка суффикс *-in*, специализирующий признак пола в группе наименований лиц женского пола, обладает уникальным статусом и сочетает в себе весьма противоречивые характеристики.

- Суффикс *-in* полифункционален и обладает широкими сочетаемостными возможностями при комбинировании с основами мужского рода, что обеспечивает данной словообразовательной модели неизменно высокую продуктивность на различных этапах развития языка. Существующие в современном языке единичные ограничения структурного и семантического характера (несовместимость с автохтонными суффиксами мужского рода, субстантивированными прилагательными и причастиями, некоторыми основами, блокирование синонимов) [7: 183] легко снимаются в процессе об-

разования окказионализмов, обладающих эмоционально-экспрессивной окраской, например, *Flüchtlingin*, *Witzboldin*, *Grobianin*, *Menschin*, *Männin*.

- Вследствие очевидной ориентированности на внеязыковую действительность образования с *-in* с трудом поддаются нормированию и «балансируют», таким образом, на протяжении многих веков между порядком и беспорядком. Как справедливо отмечает В. Хенцен, ни в один из периодов развития языка не была полностью реализована возможность создания всех производных с данным суффиксом [10: 155].

- Вокруг «невинно»-грамматического способа словообразования (термин Н.М. Габриэлян [1]) в последние десятилетия ведутся столь оживленные (не)лингвистические споры, что суффикс *-in* подчас становится невольным «заложником» идеологических баталий [14: 22, 23].

Суффикс *-in* относится к наиболее древним словообразовательным формантам. По мнению Э. Майнеке, он является результатом слияния двух более ранних суффиксов *-n-* и *-jō-* в сложный формант *-injō* в западногерманском языке-основе, который в древневерхненемецком языке приобретает вполне современный вид, ср.: *kuningin* (*Königin*), *friuntin* (*Freundin*), *lewīn* (*Löwin*). Вместе с тем, автор отмечает, что на более поздней стадии развития древневерхненемецкого языка суффикс трансформируется в *-en*, ср.: *herzogen* 'Führerin', *sangcuten* 'Göttin des Gesangs, Muse', *weidoguten* 'Göttin der Jagd', так что современные мовированные формы женского рода восходят к двн. *-in* лишь опосредованно. Скорее всего, в основе современной морфемы *-in* лежит расширенная форма *-inna*, которая проникает в именительный падеж из косвенных падежей, например, *ēwartinna* 'Priesterin'. Именно этот суффикс в форме *-inne* получает впоследствии широкое распространение в средневерхненемецком [12: 299].

Суффикс *-in* как регулярное языковое явление находит отражение в первых грамматиках эпохи Ренессанса (XVI век), однако первоначально составители грамматик классифицируют его как родовое окончание, присоединяемое в случае необходимости к маскулинному окончанию. При этом грамматистов в большей степени интересует формальная сторона словообразовательного процесса, например, умлаутирование корневого гласного, ср.: *Graf* > *Gräfin*, или появление в языке словообразовательных дублетов, ср. *Abt* > *Äbtin*, *Äbtissin*, *Prinz* > *Prinzin*, *Prinzessin* [6: 32].

В отличие от составителей первых учебников, современных лингвистов в большей степени привлекают вопросы регулирования процесса мовирования и семантического соотношения коррелятивных пар в антропониимиконе немецкого языка XVI века. Так, реконструируя систему наименований лиц в данный период, С. Милинг заключает, что инвентарь лексем, референциально относимых к мужчинам, характеризуется большей многочисленностью и дифференцированностью в отношении выполняемых ими социальных функций. В группе типично женских занятий лидируют профессии в сфере обслуживания (*Wäscherinn*), ремесел (*Sattlerinn*), проституции и сводничества (*Hurerin*, *Kupplerinn*). Несмотря на формальную «выво-

димось» женских наименований из формы мужского рода, мовирование в это время нередко связано с переносом, специализацией или ухудшением значения, ср.: *macher = Bewirker, Schöpfer, macherinne = Kupplerin; handreicher = Hilfsarbeiter eines Dachdeckers, handreicherin = Personifikation der Musik*. В значении мовированных наименований нередко содержится указание на сексуальные, супружеские отношения, ср.:

**Agnes Dürerin, unsers berühmten Albrechts
Dürers Hauskreutz, ein gegossenes Schhaustück
von 1508**

pfaff - pfeffin 'Beischläferin eines Pfaffen' [13: 8–9, 45]. Весьма распространенной в это время считается также модель матримониального мовирования на базе личных имен собственных. Так, в историю вошли мовированные имена жен двух великих представителей

эпохи Реформации – Мартина Лютера (*Katharina Lutherin*) и Альбрехта Дюрера (*Agnes Dürerin*). Образ Агнес Дюрер запечатлен на одной из монет, включенных Г. А. Виллом в каталог Нюрнбергских монетных забав [17].

В XVII веке в Германии выходят в свет первые грамматики на немецком языке, в которых проблема мовирования с помощью суффикса *-in* получает дальнейшую разработку. В труде Ю. Г. Шоттелиуса «*Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haubtsprache*» впервые отмечается факт многозначности данного суффикса, который может использоваться как для обозначения лица женского пола – жены / дочери / возлюбленной по должности, званию, чину мужа / отца (матримониальное значение), ср.: *Kantzlerin = Ehefrau von Kantzler*, так и для обозначения лица женского пола по роду деятельности, профессии (функциональное мовирование), ср.: *Gärtnerinn = weiblicher Gärtner*, однако значение производного в каждом конкретном случае не определяется (цит. по [6: 32–33]). Интересно отметить, что списки мовированных наименований в грамматиках XVII века содержат наряду с и поныне актуальными *Dichterinn, Doctorinn, Prophetinn* некоторые неприемлемые с точки зрения современного языка производные, ср.: *Söhnin, Parnassin, Oderinn, Teutschin, Waisin, Gläubiginn* [4: 46], свидетельствующие об ужесточении собственно языковых запретов на употребление производных с суффиксом *-in* в диахронии.

Для грамматик эпохи Просвещения (XVIII век) характерен более дифференцированный подход к дериватам с *-in*. Так, в работе «*Sprachkunst*» И. К. Готтшед указывает на полифункциональность данного суффикса при обозначении лица женского пола по титулу (*Fürstinn*), званию (*Prophetinn*), национальной (*Franzosinn*), религиозной (*Heydinn*), территориальной при-

надлежности (*Thüringerinn*). Вместе с тем, автор пытается разграничить значения словообразовательных моделей *-frau / -in* и закрепляет за суффиксом *-in* сферу матримониального мовирования, ср.: “... wo die Frauenvolk nicht selbst die Dienste thut, da behalten sie die Namen ihrer Männer, mit einer weiblicher Endung“ (цит. по [6: 35]), в то время как лексические единицы *Frau, Jungfern, Mädchen* в составе сложных слов должны служить, по мнению автора, для обозначения лиц женского пола по роду занятий, например, *Kammerfrau, Kammerjungfern*.

И.К. Аделунг впервые соотносит грамматический род существительных с родом биологическим и приходит к выводу, что в немецком языке возможности мовирования имен мужского рода фактически безграничны. Несмотря на это, автор настоятельно советует отказаться от образования производных с *-in* на базе субстантивированных прилагательных. Исключения составляют те случаи, когда речь идет об обозначении лица женского пола – супруги в противовес значению «лицо женского пола по роду занятий, профессиональной деятельности»:

“Doch nennet man die Gemahlinn eines Gesandten eine Gesandtin, um sie von einer Gesandte, d. i. einer abgesandten weiblichen Person zu unterscheiden“ (цит. по [6: 35–36]).

Отметим, что именно в XVIII веке матримониальное мовирование достигает своего расцвета. Отвечая духу времени, Ф. Шиллер использует мовированную форму с *-in* в названии драмы «*Luise Millerin*», впоследствии переименованной в «Коварство и любовь» (1784), ср.: *Frau Millerin sitzt an einem Tisch noch im Nachtgewand und trinkt ihren Kaffee <...> Luise Millerin kommt, ein Buch in der Hand* [16]. Подобное положение вещей сохраняется до середины XIX века, после чего популярность мовирования на базе имен собственных заметно снижается, первоначально ограничиваясь сферой письменного общения [9: 1913], а в XX–XXI вв. – только сферой диалектной речи [15: 288].

В XIX веке Я. Гримм продолжает исследование группы наименований лиц женского пола, в которых спецификация пола лица достигается морфолого-словообразовательным или лексико-семантическим способом. Так, автор сопоставляет словообразовательные модели *-frau / -in* и приходит к выводу об их семантической идентичности. Вместе с тем, Я. Гримм первым из грамматистов указывает на возможность использования наименований в форме мужского рода для обозначения лиц женского пола в рамках стратегии нейтрализации признака пола:

Daher die bezeichnung der frau vielfach durch masc. substantiva mit vertreten <...> nhd. die jungfer mir zum freunde machen <...> mhd. ein herr hatt einen lieben bulen [8: 333–335].

Последовательное воплощение данной стратегии в языковой практике последующих десятилетий (2-я половина XIX века – 1-я половина XX века)

традиционно связывается с предпочтительным употреблением формы мужского рода в более широком, нейтральном значении, что неоднократно отмечают составители нормативных грамматик:

Lehrer ist, wer zum Beruf das Lehren gewählt hat; *Lehrerin* ist dazu die moderne weibliche Variante. Im Verhältnis der beiden Varianten ist das Maskulinum das Grundwort. Es nennt eigentlich nicht eine männliche Person, sondern (ohne Rücksicht auf das natürliche Geschlecht) allein das Subjekt eines Verhaltens [3: 19–20].

В контексте женского движения первой волны нейтральные к дифференциации по полу имена мужского рода становятся символом равноправия мужчин и женщин и постепенно заполняют правовой и административный язык немецкоговорящих стран, препятствуя появлению новых производных с *-in*. Вследствие этого суффикс *-in* впервые за многие столетия утрачивает свою продуктивность, а мовированные формы используются только для ограниченного круга типично женских профессий, например, *Kosmetikerin*.

Переломный момент наступает в 70-е гг. XX века с появлением феминистской языковой критики, поставившей под сомнение нейтральность немовированных форм наименований по отношению к лицам женского пола. Возникшая в результате критического пересмотра существующих наименований острая потребность в создании большого количества новых наименований реализуется главным образом за счет активного мовирования имеющихся обозначений [2].

С момента принятия закона о реформировании немецкого языка в данном направлении экспансия мовированных форм определяет общую тенденцию развития языка. В современном немецком языке мы наблюдаем значительное расширение диапазона действия данной словообразовательной модели за счет редукции сферы применения его коррелятов (*-frau*, *-euse* и др.). Вместе с тем, в системе форм выражения феминности суффикс *-in* в наибольшей мере подвержен влиянию внеязыковых факторов, способных сдерживать или стимулировать образование новых производных, поэтому назвать этот процесс последовательным и близким к завершению было бы преждевременно. Границы словообразовательной парадигмы, которая включает производные с суффиксом *-in*, остаются открытыми.

Под давлением феминистской критики в последние годы изменились также принципы лексикографического отражения производных с суффиксом *-in*. Так, издание *Duden Universalwörterbuch* 2003 г. [5] включает в себя более 5000 наименований с пометой *weibliche Form zu ...*, многие из которых, по мнению лингвистов, неупотребительны и поэтому едва ли достойны кодификации, ср.: *Garnelenfängerin*, *Herrgottsschmitzerin*, *Insurgentin*, *Interventionistin*, *Kolonnen-springerin*, *Körnerfresserin*, *Leichenschänderin*, *Trassantin*, *Topfguckerin* [11].

Вопрос сохранения языка, в том числе, политически корректного языка – весьма сложный и тонкий, он не терпит грубого вмешательства. Вопреки

настойчивым рекомендациям нормализаторов языка некоторые женские корреляты наименований лиц мужского пола так и не стали (и вряд ли станут) нейтральными, высокочастотными и востребованными всеми стилями и жанрами немецкой речи. Гипертрофированное употребление мовированных форм способно вызвать нежелательный социально-психологический эффект и стать объектом народного юмора, ср.: «Was bestellt eine Feministin bei McDonalds? – Eine Cola und eine *Hamburgerin*» (Volksmund).

Диакроническое исследование особенностей формирования и функционирования словообразовательной модели с *-in* на парадигматической и синтагматической оси свидетельствует о значительных изменениях ее семантико-функциональной нагрузки внутри словарного блока производных наименований лиц женского пола и за его пределами. Попытки грамматистов-нормализаторов немецкого языка унифицировать правила образования феминных дериватов подобного типа, включить их в общую парадигму с другими способами спецификации или нейтрализации признака пола были не всегда последовательными и логичными. В сфере реального употребления действуют более сложные механизмы регулирования процесса мовирования. Выбор оптимальной формы наименования детерминируется в каждом конкретном случае общекультурными, социальными, когнитивными, лингвопрагматическими, коммуникативными, стилистическими и жанровыми факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габриэлян Н.М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) // <http://www.a-z.ru/women/texts/atlantidar.htm> (15.03.2010)
2. Федотова М.Е. Роль феминистической субкультуры в становлении системы наименований женщин по профессии в современном немецком языке // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2001. – С. 351–358.
3. Brinkmann, H., Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 654 S.
4. Doleschal, U. Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne // www.linguistik-online.com/11_02/doleschal.html (15.03.2010)
5. Duden - Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim 2003 [CD-ROM].
6. Eisermann, S.I. Berufsbezeichnungen für Frauen vom 16. – 19. Jahrhundert. Eine sprachhistorische Untersuchung insbesondere des *in*-Derivationsmorphems unter Berücksichtigung prototypensemantischer Aspekte beim Bedeutungswandel: Diss. Oldenburg, 2003. – 249 S.
7. Fleischer, W., Barz, I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 2007. – 382 S.
8. Grimm, J. Vorreden zum deutschen Wörterbuch. (Unveränderter photomechanischer Nachdruck aus Jacob Grimm, Kleinere Schriften Bd. 8). – Darmstadt: Luchterhand, 1961. – S. 302–386.
9. Heinle, E.-M. Wortbildung des Neuhochdeutschen bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und

- ihrer Erforschung / hrsg. von Werner Besch u.a. – Berlin; New York: de Gruyter, 2000. – S. 1911–1918.
10. Henzen, W. Deutsche Wortbildung. – Halle (Saale): Niemeyer, 1947. – 307 S.
11. Ickler, Th. Duden – politisch korrekt // <http://www.sprachforschung.org/ickler/index.php?show=news&id=577> (15.03.2010)
12. Meineke, E. Einführung in das Althochdeutsche. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2001. – 350 S.
13. Miehling, S. Von Altpusserin bis zum Huren gehen: die Darstellung der Geschlechter in Lehrwerken für das Deutsche als Fremdsprache vom 15. bis zum 17. Jahrhundert (Bamberger Studien zum Mittelalter). – Münster: Lit Verlag, 2003. – 237 S.
14. Oksaar, E. Sprache und Gesellschaft. – Düsseldorf: Schwann, 1992. – 30 S.
15. Polenz, P. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 2. 17. und 18. Jahrhundert. – Berlin; New York: de Gruyter, 1994. – 503 S.
16. Schiller, F. Kabale und Liebe // <http://gutenberg.spiegel.de>
17. Will, G.A. Der Nürnbergischen Münz-Belustigungen. – Altdorf: Verlag Christoph Riegels sel. Wittwe zu Nürnberg, 1767. – 127 S.

А.О. Ханский

ЛИНГВООРИЕНТИРОВАННОЕ ПОНИМАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, Г.И. Богин в своей работе [3] вводит типологию понимания текстов и соответствующую ей типологию текстов. Эта типология основана на трехпоясной схеме системомыследеятельности (далее – СМД) Г.П. Щедровицкого [7: 281–298], где с каждым поясом СМД соотносится свой тип понимания и тип текста.

1. Пояс мысли-коммуникации (далее – МК): Семантизирующее понимание, т.е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции. Этот тип понимания имеет место, по преимуществу, при нарушениях смыслового восприятия текста в условиях усвоения языка, например, в ситуации, когда среди «знакомых слов» встретилось «незнакомое слово», подлежащее семантизации.

2. Пояс предметных представлений (далее – мД): Когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержательности познаваемой информации, даваемой в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Пояс чистого мышления (далее – М): Распредмечивающее понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста. Распредмечивающее понимание чаще всего бы-